

Генеральная Ассамблея ООН
68-я сессия

Пункт 81 повестки дня
«Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят пятой и шестьдесят третьей сессий»
Глава IV доклада «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров»

**Выступление
Андрея Попкова,
начальника главного договорно-правового управления
Министерства иностранных дел Республики Беларусь**

Беларусь разделяет подходы и методологию работы над данной темой, избранные Специальным докладчиком, господином Г. Нольте, а также собственно изменение темы данной работы. Новая формулировка более точно отражает задачи и цель исследовательской группы.

В целом поддерживая проекты заключений 1-4, считаем возможным предложить некоторые уточнения. Мы исходим из того, что толкование международного договора представляет собой в значительной мере творческий процесс. В то же время установление определенных ориентиров (в том числе, за счет прогрессивного развития соответствующих положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года) видится весьма полезным.

Так, например, в отношении пункта 2 проекта заключения 1 вызывает определенные сомнения необходимость дословного повторения соответствующих формулировок Венской конвенции. Как представляется, несколько больший акцент в этом и других заключениях (либо в комментариях к ним) следует сделать на раскрытии значения используемых в Венской конвенции и проектах заключений формулировок («добрая воля», «обычное значение терминов» и т.д.).

Считали бы весьма интересными как с академической, так и с практической точек зрения, выводы Комиссии относительно специфики толкования международных договоров в зависимости от их вида либо «природы».

Наиболее сложным из вопросов, подлежавших разрешению в проекте заключения 2 (если не в рамках всей рассматриваемой темы) является вопрос разграничения последующей практики, имеющей большее или меньшее значение для толкования договора, молчаливого соглашения сторон договора относительно его существенного изменения, и нарушения международного договора одной из сторон при отсутствии возражений иных участников международного договора. Не претендуя на то, что данные три ситуации исчерпывающим образом описывают возможные степени отклонения последующей практики от изначальной воли участников международного договора, полагаем, что исследование специфики данных ситуаций внесет серьезный вклад как в разработку данной темы, так и в проблематику толкования международных договоров в целом.

Поддерживаем позицию о том, что результаты толкования международного договора его сторонами не всегда с необходимостью носят юридически обязывающий характер. О возникновении дополнительных обязательств по международному праву следует по общему правилу говорить тогда, когда имеется возможность четко идентифицировать соответствующее намерение государств.

Белорусская сторона с интересом ознакомилась с соображениями Комиссии относительно разграничения понятий «последующее соглашение» и «последующая практика». Полагаем, что Комиссии удалось надлежащим образом раскрыть специфику и различие данных двух понятий, что, несомненно, внесет большую ясность в понимание соответствующих норм Венской конвенции. В то же время полагаем, что данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. В частности, вызывает сомнение релевантность практики, не свидетельствующей о наличии соглашения, для целей толкования международного договора как процесса установления согласованных намерений заключивших его государств.

Хотели бы выразить ряд общих комментариев в отношении итогов работы Комиссии по проблеме толкования международных договоров. В частности, большой интерес вызывает проект заключения 3. Вопрос эволюционного толкования положений международных договоров весьма важен не только в случае возникновения спорных ситуаций, но и в повседневной практике государств и их органов. Вряд ли можно выделить какие-либо формулировки либо категории международных договоров, а priori указывающие на их характер как «эволюционирующих». В нашем понимании определенным ориентиром здесь может послужить критерий недопустимости толкования, приводящего к фактическим поправкам к международному договору.

Также заслуживает внимания вопрос о том, применимы ли к «последующему соглашению» по смыслу проекта заключения 4 соответствующие правила толкования.

Поддерживаем позицию специального докладчика относительно того, что практика органов (должностных лиц) среднего и низового уровней может также рассматриваться как практика применения международного договора. Проработка данного вопроса может в определенной степени обогатить понимание проектов соответствующих статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

В качестве основной позиции по рассматриваемой теме белорусская сторона подчеркивает исключительную роль государств и их практики в вопросах толкования международных договоров. Толкование международных договоров может признаваться аутентичным только в том случае, если оно отражает волеизъявление всех, а не одного или нескольких, государств-участников договора относительно его понимания.

Белорусская сторона выражает также обеспокоенность в связи с практикой, когда международные органы по осуществлению контроля и мониторинга исполнения международных договоров приравнивают себя к государствам в вопросах толкования договоров, не имея на то надлежащих полномочий от самих государств. Ввиду того, что подобные органы состоят из экспертов от ограниченного числа участников договора, их истолкования не всегда правильно передают согласованную волю государств, выраженную в положениях международного договора, а иногда и вовсе увеличивают объем обязательств государств без их на то согласия. В результате толкование не обладает достаточной легитимностью.

В этой связи особо подчеркиваем, что толкование международных судебных, квазисудебных и контрольных органов может иметь важность лишь в той мере, в какой данные органы действуют в рамках полномочий, предоставленных им государствами. Что касается неправительственных организаций, то полагаем, что результаты их работы могут иметь лишь справочно-информационное значение, облегчать выявление и анализ практики государств, однако никоим образом не подменять данную практику.

Б Е Л А Р У С Ь

Просьба сверять с устным текстом

Генеральная Ассамблея ООН
68-я сессия

Пункт 81 повестки дня
«Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят пятой и шестьдесят третьей сессий»
Глава V доклада «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»

**Выступление
Андрея Попкова,
начальника главного договорно-правового управления
Министерства иностранных дел Республики Беларусь**

Позвольте выразить признательность спецдокладчику г-же Консепсьон Эскобар Эрнандес за ее ценный вклад в рассмотрение темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции». Всестороннее обобщение позиций государств, судебной практики, доктринальных подходов, а также представление собственного видения спецдокладчика о направлениях дальнейшей работы над проблемой создают хорошую основу для обсуждения вопросов об иммунитетах должностных лиц в Комиссии международного права и Шестом комитете.

По мнению делегации Беларуси, данную тему уместно рассматривать в контексте обеспечения верховенства права как с точки зрения неотвратимости наказания за определенные преступления, так и с точки зрения соблюдения принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела. Обеспечению данных принципов будет способствовать минимизация субъективной составляющей вопроса посредством разработки ясных и недвусмысленных правовых норм.

Наша делегация вполне осознает сложности исследования проблем иммунитетов должностных лиц ввиду недостаточной четкости международных обычаев и практики, в частности, по вопросу об определении сферы распространения иммунитета должностных лиц *ratione personae*. В этой связи призываем Комиссию исходить по спорным вопросам из соображений эффективности соответствующего правового режима для обеспечения стабильности международных отношений и больше внимания уделять предложениям *de lege ferenda*.

Нормы международного права о специальных миссиях, в том числе конвенционные нормы, не устраняют все проблемы по поводу иммунитетов различных категорий должностных лиц, поскольку не в достаточной мере учитывают необходимость их дифференцированной защиты в свете различий в статусе и степени участия в осуществлении внешних функций государства.

Вследствие присущего современным международным отношениям динамизма и использования новых многоканальных моделей взаимодействия между государствами считаем целесообразным выделение иных высокопоставленных должностных лиц, помимо глав государства, глав правительств и министров иностранных дел, которые могут пользоваться иммунитетом *ratione personae*. Несомненно, разработка исчерпывающего перечня таких лиц вряд

ли возможна. В то же время вполне реальным и желательным видится выявление Комиссией критериев, по которым то или иное лицо может пользоваться иммунитетом *ratione personae*. В качестве такого критерия может рассматриваться факт наделения высокопоставленных должностных лиц, прежде всего членов правительства, государственными функциями в политической, экономической, оборонной и иных сферах, выполнение которых имеет исключительную важность для реализации суверенитета и обеспечения безопасности государства или же связано с развитием широкого международного сотрудничества.

Применительно к проекту статьи 1 возникает вопрос относительно определения понятия «должностное лицо». Выражаем надежду на всестороннее и углубленное изучение данного вопроса Комиссией. При этом на данном этапе полагали бы возможным высказать сомнения относительно выделения в пункте 2 проекта данной статьи лиц, связанных с вооруженными силами государств. Во-первых, сама формулировка «связанных» носит недостаточно конкретный характер и, соответственно, может толковаться самым различным образом. Во-вторых, в отличие от дипломатических и консульских сотрудников, персонала международных организаций, применительно к военнотружущим и вооруженным силам нельзя констатировать наличие единого международно-правового режима. Соглашения о статусе сил и средств, мандаты миротворческих операций и т. д. носят в целом довольно разнообразный характер.

Разделяем позицию о том, что высшие должностные лица в силу своего статуса обладают абсолютным иммунитетом (*ratione personae*). В этой связи следовало бы уточнить в подготовленных проектах статей то, что иммунитет высших должностных лиц действует не только во время официальных иностранных визитов, но и во время частных поездок за рубеж. Высшие должностные лица в период пребывания в должности представляют государство и выполняют должностные обязанности постоянно независимо от характера, продолжительности и формата визитов за рубеж в силу общей значимости их роли во внутренней и внешней политике. Уважение их статуса иностранными государствами непосредственно вытекает из иммунитета представляемого государству, принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела.

Кроме того, полагаем, что в проекте статей необходимо отразить понимание того, что иммунитет *ratione personae* продолжает сохраняться за соответствующими лицами и после оставления ими своей должности в отношении действий, совершенных в период пребывания в должности. Любой другой подход, на наш взгляд, не способен отразить всю полноту содержания понятия иммунитета *ratione personae*.

Б Е Л А Р У С Ь

Просьба сверять с устным текстом

Генеральная Ассамблея ООН
68-я сессия

Пункт 81 повестки дня
«Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят пятой и шестьдесят третьей сессий»
Глава IV доклада Комиссии о работе ее шестьдесят третьей сессии «Оговорки к международным договорам»

**Выступление
Андрея Попкова,
начальника главного договорно-правового управления
Министерства иностранных дел Республики Беларусь**

Оговорки к международным договорам

Белорусская сторона высоко оценивает результат работы Комиссии над данной темой, по праву считающейся одной из самых сложных и неурегулированных областей права международных договоров. Выражаем искреннюю надежду на то, что высокий уровень подготовки проекта Руководящих положений обеспечит их широкое применение и признание, в первую очередь, среди практикующих юристов-международников. Поддерживаем избранный комиссией формат документа, сочетающий факультативность применения и четкую структуру международно-правового документа. В нашем понимании, в современных условиях высочайший экспертный потенциал комиссии может быть задействован не только при разработке проектов универсальных международных договоров, но и иных международных документов, способствующих реализации возложенных на Комиссию функций по кодификации и прогрессивному развитию международного права. В этой связи приветствуем документы A/CN.4/L.793 "Выводы в отношении диалога об оговорках, предварительно принятые Рабочей группой по оговоркам к международным договорам 6, 12 и 14 июля 2011 года" и A/CN.4/L.795 "Рекомендация относительно механизмов по оказанию содействия в области оговорок, принятая в предварительном порядке Рабочей группой по оговоркам к международным договорам 27 июля 2011 года" и выражаем надежду на их широкое применение в международной договорно-правовой практике.

Вместе с тем, полагаем уместным высказать некоторые предложения по дальнейшей доработке проекта Руководящих положений.

Полагаем, что использованная в проекте руководящего положения 1.7.2. формулировка "заключение дополнительного соглашения" является, в нашем понимании, не вполне удачной, так как несет в себе риск смешения с аналогичным понятием, используемым в проекте руководящего положения 1.7.1. Необходимо провести разграничение в соответствующих руководящих положениях институты изменения многостороннего договора в отношении между несколькими государствами-участниками и толкования международного договора посредством заключения соглашения между государствами-участниками по смыслу статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1961 года. В первом случае речь идет о модификации договора, тогда

как во втором, на наш взгляд, речь должна вестись о толковании, не представляющем собой «скрытую» поправку.

Полагаем, что из проекта руководящего положения 2.1.2. следовало бы исключить слова "насколько это возможно" с учетом в целом диспозитивного характера Руководящих положений и предпочтительностью мотивированных оговорок для облегчения диалога об оговорках, что признано и в вышеупомянутом документе Комиссии A/CN.4/L.793.

С учетом вышеизложенного и в целях максимально возможного обеспечения правовой определенности полагаем возможным в проектах руководящих положений 2.4.1. и 2.9.5. закрепить обязательность формулирования в письменном виде заявления о толковании и реакции на него.

Проекты руководящих положений 2.6.9 и 2.9.6. (в части переквалификации) следует доработать с учетом предложений, высказанных в отношении проекта руководящего положения 2.1.2.

По нашему мнению, проект руководящего положения 2.6.13 сформулирован чересчур абстрактно. Полагали бы предпочтительным доработать проект данного руководящего положения по аналогии с проектами руководящих положений 2.3., 2.3.1. и 2.3.2.

По нашему мнению, оговорка, изложенная с нарушением проекта руководящего положения 3.1.5.2., в целом может рассматриваться в качестве недействительной либо не сделанной. В этой связи полагаем уместным учесть данное мнение при доработке данного и иных применимых проектов руководящих положений.

Б Е Л А Р У С Ь

Просьба сверять с устным текстом

Генеральная Ассамблея ООН
68-я сессия

Пункт 81 повестки дня
«Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят пятой и шестьдесят третьей сессий»

Выступление
Андрея Попкова,
начальника главного договорно-правового управления
Министерства иностранных дел Республики Беларусь

«Формирование и доказательство существования международного обычного права» (глава VII)

Белорусская сторона с большим интересом ознакомилась с первым докладом по теме «Формирование и доказательство существования международного обычного права» и результатами обсуждения данного вопроса в Комиссии международного права. Уверены, что профессионализм и опыт специального докладчика г-на Майкла Вуда и других членов комиссии позволят завершить работу над данной сложнейшей темой принятием востребованного и практически ориентированного документа.

Несмотря на продолжающийся рост числа двусторонних и многосторонних международных договоров, международный обычай продолжает играть важную роль в современном международном праве. Причем можно говорить о том, что с ростом количества международных договоров (и сопутствующей данному процессу фрагментации правового регулирования) растет и роль международного обычая. Международный обычай выступает не только в качестве традиционного способа заполнения правового вакуума в сферах, не урегулированных международными договорами, но и как способ обеспечения гармоничного, системного и непротиворечивого применения договорных норм.

В этой связи полагаем, что работа КМП над данной темой является весьма актуальной. Комиссия является наиболее приемлемым органом для ее разработки. Именно Комиссия с самого начала своего существования уделяла первоочередное внимание выявлению международного обычая как необходимой предпосылки кодификации в той или иной сфере. В этой связи уверены, что изучение опыта работы Комиссии позволит выявить тот инструментарий, который в разные годы использовался ею для успешного выявления обычно-правовых норм, а также для анализа процесса их формирования и эволюции. Сопоставимыми институциональной памятью и наработками в данной области обладает, пожалуй, лишь Международный Суд ООН, практика которого также заслуживает самого глубокого анализа.

Белорусская сторона в целом поддерживает предложенные спецдокладчиком методологию и график работы. Разделяем позицию о необходимости исследования специфики формирования и доказательства существования международного обычного права в различных отраслях международного права на основе классических походов к теме, учитывающих значение двух составных элементов международного обычая (практики и *opinio juris*). В конечном итоге это позволит установить общие тенденции в сфере формирования и доказательства существования обычных норм международного права.

Считаем целесообразным акцентировать внимание на следующих элементах будущей работы Комиссии.

Говоря о материальном и субъективном элементах норм обычного международного права, считаем, что ключевое значение имеет практика государств. Однако допускаем, что в отдельных областях международного права, в частности, в международном гуманитарном праве и международном космическом праве, в сравнении с другими отраслями международного права продолжительность и устойчивость практики может иметь меньшее значение.

Далеко не всегда практика носит последовательный и легко выявляемый характер. Во многом это обусловлено тем, что далеко не все аспекты государственной практики носят публичный характер. В этой связи целесообразно разграничивать при констатации международного обычая поведение государств, известное неограниченному кругу лиц, и деятельность, осуществляемую в необщедоступном формате, в том числе конфиденциально в процессе дипломатической переписки или закрытых консультаций и переговоров государств. Что касается практики международных организаций то, как представляется, более продуктивным было бы рассматривать для целей формирования международных обычаев не практику собственно организаций, являющихся производными субъектами международного права, а деятельность государств в этих организациях.

Белорусская сторона придерживается мнения о том, что независимо от изменений в названии темы вопросы формирования обычных норм международного права заслуживают особого внимания в процессе ее исследования, поскольку без их подробного рассмотрения вряд ли можно верно определить обычные нормы. Хотя вопрос формирования международного обычного права может на первый взгляд показаться не имеющим прикладной значимости, данное впечатление обманчиво. Понимание механизма формирования международного обычая является насущной необходимостью для должностных лиц государств, судей, дипломатов и иных лиц, которые своими действиями могут внести вклад в формирование и выявление международного обычая.

В отношении норм *jus cogens* полагаем неуместным выделение данных норм в отдельную категорию для целей исследования. Представляется, что в той мере, в какой данные нормы являются международным обычаем, они формируются и выявляются таким же образом, как и любые другие нормы международного обычного права. Согласны с тем, что соотношение между обычными нормами, общими принципами международного права, нормами *jus cogens* и иными источниками международного права целесообразно исследовать в рамках отдельной темы об иерархии источников международного права.

Надеемся на то, что дальнейшее развитие в Комиссии получит рассмотрение вопросов взаимодействия международного обычного и международного договорного права, поскольку очевидно обоюдное влияние этих источников международного права. В контексте этого вопроса полагали бы весьма полезным проработать тему «перехода» универсального многостороннего международного договора в международный обычай, носящий обязательный характер и для государств, не являющихся участниками такого договора. Желательно выявить качественные и/или количественные критерии такого «перехода», его движущие силы и правовую сущность. Полезно также проанализировать возможность и оценить последствия изменения посредством международного обычая первоначально договорных норм международного права.

Весьма желательным видится также установление четкого содержания понятия «общее международное право» посредством рассмотрения проблемы соотношения общего международного права, обычного международного права и конвенционного международного права. Мы, например, склонны считать, что современное общее международное право не

ограничивается нормами обычного международного права и может включать в себя нормы так называемых общих многосторонних договоров.

Белорусская сторона также предлагает Комиссии более подробно исследовать в процессе работы над темой специфику локальных и региональных обычных норм международного права, являющихся важным регулятором отношений между государствами и применимым правом при разрешении споров между государствами, в том числе в рамках региональных судебных и арбитражных институтов.

Временное применение международных договоров (глава VIII)

Позвольте от имени белорусской делегации выразить признательность специальному докладчику, господину Робледо, за подготовку доклада.

Белорусская сторона положительно воспринимает намерение Комиссии уточнить и, возможно, адаптировать положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года к современным требованиям без внесения изменений в саму Конвенцию. Полагаем, что Венская конвенция на практике доказала свою эффективность, продолжает оставаться востребованным источником права международных договоров и обладает необходимым «запасом гибкости» для адаптации ее положений к объективным потребностям современной договорно-правовой практики.

В отношении используемой терминологии полагаем удачными и подтвердившими свою востребованность на практике формулировки статьи 25 Венской конвенции. По нашему мнению, данная формулировка наиболее точно отражает правовую природу временного применения как субсидиарного и факультативного элемента «основного» международного договора. Исходим из того, что окончательное вступление договора в силу прекращает его временное применение, которое в данном случае полностью утрачивает свой смысл «естественным путем», как отметил спецдокладчик.

По нашему мнению, основным мотивом для задействования временного применения является необходимость безотлагательного начала реализации соответствующих положений договора. В нашем понимании, задействование временного применения для «обхода» конституционных процедур или скрытой модификации международного договора может повлечь за собой негативные последствия для юридической силы такого международного договора.

В отношении дальнейшего направления работы комиссии и специального докладчика по данной теме полагаем возможным отметить, что наиболее продуктивным и востребованным с практической точки зрения, по нашему мнению, будет исследование международно-правовых последствий временного применения международных договоров, а именно:

1. Выявление различий в международно-правовой сущности и последствиях временного применения международного договора и его вступления в силу;

2. Определение сущности временного применения как одностороннего обязательства соответствующего государства либо (имплицитно) дву- и многостороннего обязательства. Объем взаимных обязательств государства, заявившего о временном применении, и других договаривающихся государств.

3. Последствия одностороннего прекращения временного применения международного договора для прекращающего государства и для других договаривающихся сторон. Применимость принципов эстоппеля и законных ожиданий.

4. Оценка последствий ссылок на национальное законодательство как ограничительного условия для временного применения международного договора (использование в некоторых

международных договорах формулировок об их временном применении в части, не противоречащей национальному законодательству). При этом речь не идет о необходимости соблюдения конституционных и других процедур заключения международного договора, а о соотношении (приоритете) положений временно применяемого договора с нормами материального законодательства, регулирующего сходные правоотношения.

Беларусь активно использует институт временного применения международных договоров в своей договорно-правовой практике и согласно национальному законодательству о международных договорах исполняет временно применяемые международные договоры в том же порядке, что и международные договоры, вступившие в силу. Подобного отношения к временно применяемым договорам мы ожидаем и от других государств. Нарушение временно применяемого договора, на наш взгляд, влечет те же последствия, что и нарушение вступившего в силу международного договора.

«Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*)» (глава X)

Белорусская сторона высоко оценивает результаты работы комиссии и специальных докладчиков над данной темой. Вся возможная подготовительная работа на высочайшем уровне проделана специальными докладчиками, Комиссией и Секретариатом ООН. В настоящее время назрела необходимость принять решение относительно той задачи, которую необходимо поставить перед Комиссией, и того результата, которым должна завершиться работа над данной темой. По нашему мнению, именно отсутствие четкого понимания ожидаемого результата работы комиссии и Шестого комитета над данной темой не позволяет говорить о каком-либо реальном прогрессе в данной области. Вряд ли результат работы комиссии примет форму соответствующего проекта статей, поскольку обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование уже в достаточно стандартизированной форме присутствуют во многих дву- и многосторонних договорах, о чем свидетельствуют соответствующие исследования Секретариата. Возможно, в результате работы над темой удастся сформулировать комментарии и руководящие принципы по имплементации соответствующих положений.

По нашему мнению, более продуктивной будет работа над данной проблематикой в более широком контексте обеспечения принципа неотвратимости наказания за определенные виды преступлений. В этой связи отмечаем, что определенная взаимосвязь (будь то в форме взаимодополнения, взаимоисключения либо полной тождественности) между обязательством *aut dedere aut judicare* и концепцией универсальной юрисдикции признается большинством делегаций. В связи с изложенным белорусская сторона полагает весьма желательным исследование в рамках данной темы и определенных аспектов концепции универсальной юрисдикции с выявлением возможных норм международного обычного права, что внесет значимый вклад в рассмотрение данного вопроса в рамках ООН.

Клаузула о наиболее благоприятствуемой нации (глава XI)

Белорусская сторона благодарит исследовательскую группу за подготовленный ею доклад. Отдавая себе отчет в амбициозности данной задачи, полагаем, что работа Группы может и должна внести свой вклад в гармонизацию нормотворческой и правоприменительной деятельности в отношении клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации. При этом отмечаем, что уже

промежуточные результаты работы группы являются востребованным на практике материалом, что также вносит свой вклад в гармонизацию подходов к толкованию понятия «наиболее благоприятствуемой нации».

Исследование Комиссией международного права вопросов реализации режима наиболее благоприятствуемой нации в инвестиционных отношениях дополняет усилия по обобщению международной договорной и арбитражной практики, предпринимаемые другими международными учреждениями и организациями, как например, Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Организация Экономического Сотрудничества (ОЭСР). При этом ожидаем от Комиссии не только исчерпывающего анализа существующей международной практики, но и рекомендаций по обеспечению ее сбалансированности с учетом как прав и законных интересов инвесторов, так и государств, принимающих инвестиции.

Практическое значение имели бы выводы Комиссии относительно определения сферы применения режима наиболее благоприятствуемой нации на основании международных инвестиционных договоров, в частности, по вопросам пределов и критериев заимствования положений из международных договоров о защите инвестиций с третьими странами (двусторонних и региональных договоров), национального законодательства о поощрении определенного рода инвестиционной деятельности и инвестиционных контрактов, а также о распространении режима на стадии до и после учреждения инвестиций в принимающем государстве.

В свете инвестиционных отношений было бы также полезным определение принципов соотношения режима наиболее благоприятствуемой нации, национального режима и минимального международного стандарта обращения с иностранцами. Действие принципа взаимности в контексте режима наиболее благоприятствуемой нации, а также возможные исключения из него и ограничения применения, в том числе по мотивам реализации стратегий и политики устойчивого развития, также нуждаются в углубленном изучении Комиссией.

В целом хотели бы отметить, что белорусская делегация приветствует комплексный подход к рассматриваемому понятию режима наиболее благоприятствуемой нации, который позволил бы выйти при его рассмотрении за рамки международного инвестиционного права. Выражаем надежду на проработку на неизменно высоком экспертном уровне вопросов правового содержания клаузулы в соглашениях об условиях пребывания международных организаций, что, несомненно, внесет свой вклад в прогрессивное развитие международного права в данной области. Также полагали бы достаточно продуктивным с теоретической и полезным с практической точек зрения изучение группой вопроса о применении клаузулы к государственным закупкам, в том числе с учетом норм ГАТТ/ВТО.

Белорусская сторона ожидает скорейшего завершения работы исследовательской группы над ее докладом. Несомненно, данный документ внесет весомый вклад в обеспечение гармоничного, последовательного и предсказуемого применения клаузулы.